

A. T. Malinovsky,
Candidate of Philology,
Associate Professor of World Literature Department
Odesa I. I. Mechnikov National University,
24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,
tel. : (048)746-56-97
malinovsky.artur@yandex.ua

**ON THE POLISH-AND-RUSSIAN
LITERARY PARALLEL:
„THE OLD SERVANT” BY H. SENKEVICH
AND „SERVANTS OF AN OLD AGE” BY I. GONCHAROV**

Summary

This article compares different aspects of genres in Senkevich's and Goncharov's stories. The sketches „The Old Servant” and „Servants of an Old Age” have been chosen for the analysis. The attention is focused on separate genre components of the sketches: idealism, memoirs and a biographical component of the satire. While Senkevich creates farmstead life, harmony between landlords and servants, Goncharov is more interested in servants. It is a servant of a bachelor in Saint Petersburg whose image is considered in four sketches of Goncharov's cycle.

The types of the servant as a secular dandy, servant-drunkard and servant-usurer are presented. These sketches are characterized by autobiographical implication. It is present in both Goncharov's and Senkevich's stories. The article also analyses the preface to Goncharov's cycle, and the epilogue to Senkevich's „The Old Servant” and one of the sketches in Goncharov's cycle – „Matvei”.

Key words: cycle, sketch, genre, story, servant, autobiography.

УДК [821.161.1: 821.162.1]-31"1800/1840"

Т. Ю. Морева,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел.: (048)746-56-97,
moreva.tamara@inbox. ru

ОБРАЗ АГАСФЕРА В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается функционирование легендарно-фольклорного образа Агасфера в различных национальных литературах. В. Ф. Одоевского интересует проблема интуиции, духовных свойств, взаимодействия сознательного и бессознательного в творческом процессе. Поэтому Агасфера он истолковывает как трагический образ художника, предавшего свой талант. Агасфер у Я. Потоцкого – посредник-медиатор между разными историческими эпохами, необходимый для мотивировки включения информации исторического характера.

Ключевые слова: Агасфер, просветительские идеалы, авторский мир, интуиция, сознательное и бессознательное.

В XIX веке, который начался с апофеоза нигилизма, основы нравственности – „стыд, жалость и благоговение” (В. Соловьёв) – не выдерживают активного натиска массовой культуры. Поэтому в начале нового тысячелетия особенно важным становится сохранение духовного пространства. На современном этапе актуализируются религиозно-философские и культурные доминанты художественной литературы. Для последних десятилетий характерны интенсивные поиски новой духовности, которая не уничтожает и не отвергает общекультурные традиции, а выделяет в них самое важное, общезначимое. В связи с этим интерпретация традиционалистских схем в литературе обретает особую значимость.

Евангельские образы, сюжеты, мотивы пронизывают художественный мир европейской культуры. Ориентироваться в этом мире, видеть тенденции развития возможно, лишь узнавая героев Евангелия. Изучение основных художественных версий евангельских сюжетов помогает осмыслить ценностные смысловые ориентации современной культуры.

Как справедливо заметил М. М. Бахтин, „в каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми и не использованными на протяжении всей истории жизни культуры” [1, с. 254]. В истории мировой культуры существуют образы, сюжеты и мотивы, которые повторяются в разных национальных культурах, получая новое содержательное наполнение и идейно-семантическое звучание. Весь этот разнообразный материал, как считает А. Е. Нямцу, можно систематизировать по

генетическому признаку. Ученый приходит к выводу, что наиболее продуктивными являются следующие группы традиционных сюжетов, образов и мотивов: „<...> мифологические (Прометей, Пигмалион, Эдип, Орфей), легендарно-фольклорные (Фауст, Дон Жуан, Агасфер, Крысолов), литературные (Гулливер, Робинзон, Франкенштейн, Дон Кихот, Швейк), исторические (Александр Македонский, Юлий Цезарь, Сократ), легендарно-церковные (Иисус Христос, Иуда Искариот, Варавва и др.)” [3, с.18].

Агасфер, или Вечный жид, – это легендарный персонаж, по преданию обреченный на вечные странствия по земле до Второго пришествия Христа. Согласно легенде, Агасфер – еврей из Иерусалима, живший во времена Христа и занимавшийся сапожным ремеслом. Когда Иисуса, несшего свой Крест, вели на распятие, Агасфер оттолкнул его и отказал в просьбе прислониться к стене дома, чтобы отдохнуть. За это Христос и наказывает человека, обрекая его на вечную жизнь и вечное скитание.

Данный сюжет послужил материалом для многих литературных, музыкальных и живописных произведений. К образу Агасфера обращались Э. Сю, К. Ф. Шубарт, И. В. Гете, П. Б. Шелли, П. Лагерквист, Г. Х. Андерсен, Х. Л. Борхес и многие другие. Следует отметить, что и в славянских литературах прослеживается отчетливый интерес к легенде об Агасфере. Своеобразные интерпретации судьбы этого персонажа в свое время предлагали В. А. Жуковский („Агасфер. Странствующий жид”), Олекса Стороженко („Марко Проклятый”), В. Ф. Одоевский („Русские ночи”), Ян Потоцкий („Рукопись, найденная в Сарагосе”), М. Е. Салтыков-Щедрин („Христова ночь”), Ян Вайс („Дом в тысячу этажей”).

Безусловно, легенда об Агасфере весьма популярна в классической и современной литературе, но даже в пределах одной эпохи – первой половины XIX в. – тема Агасфера является одной из наиболее актуальных.

Образ Агасфера интересует и украинского писателя Олексу Стороженко, пафос творчества которого носит прежде всего этический характер и заключается в требовании моральной чистоты, условием которой считались патриархальность и любовь к своему народу, человечность. Писатель обращается к образу Марка Проклятого, который был создан украинским фольклором и типологически связан с легендарным Агасфером. Повесть „Марко Проклятый” (1876 г.), по-

строенная во многом на основе украинских народных дум и исторических песен, характеризуется наличием двух планов: исторического, повествующего об освободительной войне украинского народа, и легендарно-фольклорного. Показательна обработка легенды об Агасфере. „Писатель акцентирует два обстоятельства, которые определили сначала жизнь, а затем и бессмертное существование заглавного персонажа. Первым является история рождения Марка, которая вызывает ассоциации с мифом об Эдипе <...> Второе – многократные сравнения с Каином подключают к характеристике Марка сложный комплекс онтологических и аксиологических доминант ветхозаветного персонажа”, – отмечает А. Е. Нямцу [3, с. 18]. Особое значение в повести приобретает мотив христианского покаяния. О. Storozhenko изображает процесс духовной эволюции героя, который постепенно постигает способность творить добрые дела. Герой О. Storozhenko пытается восстановить свои отношения и связи с человеческим миром и получает надежду на прощение. В то же время некоторые писатели, интерпретируя в своем творчестве легенду о Вечном жиде, обращают внимание на вопросы познания, познаваемости мира, концепции мира. В этом отношении сходными являются художественные поиски В.Ф. Одоевского и Я. Потоцкого.

Для обоих писателей характерна вера в просветительские идеалы, защита разума, прогресса. И русский, и польский писатели пытаются постичь мир, выявляя философскую взаимосвязь всех явлений. Для В. Ф. Одоевского в 30-е годы XIX в. было характерным стремление понять логику исторического развития, законы, управляющие историческим движением. Отсюда то огромное значение, которое приобретают для него вопросы философии истории. Он испытывает значительное влияние немецкой идеалистической философии. Пытаясь создать целостную картину истории человечества, В. Ф.Одоевский стремится понять внутренние закономерности, управляющие этим процессом, дать объяснение целым цивилизациям и отдельным личностям. Все-му творчеству писателя свойственна философская направленность.

Жизнь польского ученого и писателя Яна Потоцкого принадлежит двум эпохам: с Просвещением связаны энциклопедическая широта знаний, склонность к точным наукам; с романтизмом – страсть к путешествиям, к миру экзотики и фантастического. „Рукопись, найденная в Сарагосе” была написана на французском языке в 1804–1813 гг., на польском языке ее полный вариант был опубликован уже после смерти

автора, в 1847 году. „В польской литературе, – как отмечает В. Б. Мусий, – это было время постепенного отхода от канонов эпохи Просвещения, сосуществования рационализма и агностицизма, эпикуреизма и чувствительности, дидактики и занимательности и выходе в связи с этим на первый план эстетического” [2, с. 179]. Все эти особенности очевидны в романе Я. Потоцкого. „В нем соединились ценности эпохи Просвещения с присущим ей культом разума и долга и то, что явилось результатом роста сознания индивидуальной ценности человека, – чувственности” [4, с. 180]. Художественная структура романа Я. Потоцкого отмечается сложностью. Сюжетом служат приключения валлонского офицера, который торопится в свой полк, но все время оказывается вблизи заброшенного в горах Сьерра-Морены трактира и двух виселиц с телами двух бандитов. Перед читателем оказывается дневник Альфонса ван Вордена, в котором он описал шестьдесят шесть дней своего пребывания в Испании.

Композиционно „Рукопись, найденная в Сарагосе” близка „Русским ночам” В. Ф. Одоевского. Здесь так же много рассказчиков, различных по манере поведения и складу мышления, независимых в своих поступках. Беседы часто происходят по вечерам, когда путешественники устраиваются на ночлег (исключением является лишь история Вечного Жида, который лишен возможности прекратить свое вечное скитание). Как и В. Ф. Одоевский, Я. Потоцкий обращается к различным историческим эпохам, использует дорожные записи, устные рассказы, поверья и легенды, проявляет широкое знакомство с просветительской литературой. Единство создается не сюжетом, а общей философской направленностью, которой Я. Потоцкий придавал особое значение. В „Рукописи, найденной в Сарагосе” действие с Иберийского полуострова переносится в Феррару, Равенну, Рим, затем в Лион, Париж, Вену. Рассказчики обращаются к истории древней Греции, Египта и Иудеи. Несколько глав романа Ян Потоцкий посвятил образу Агасфера, дав ему своеобразную трактовку.

Каббалист Уседа, путешествующий вместе с Альфонсом ван Ворденом и Веласкесом, рассказывает, что „причудливый нищий”, встреченный ими, – это Вечный Жид, который „<...> уже семнадцать веков <...> ни разу не присел и не прилег, не отдыхал и не заснул” [5, с. 116]. Пообещав путникам встречу с Вечным Жидом, каббалист заставляет его появиться вновь, обзывает лентяем и бездельником и требует, чтобы он рассказал историю своего существования. На протяже-

нии нескольких дней, как только путешественники утром трогаются в путь, Вечный Жид приближается к ним, следует между ван Ворденом и Веласкесом, рассказывает свою историю, а вечером, когда наступает время ночлега, покидает их. Каббалист Уседа, который ведет себя с „бедным бродягой” весьма грубо, приказывает ему провести ночь, шагая вокруг горы, а утром присоединиться к путникам. Приступая к рассказу о своей жизни, Вечный Жид вспоминает своего деда Езекию, который служил в Египте у Клеопатры. Очень подробно он повествует о Птолемеи Дионисе, о Цезаре, об Антонии и Клеопатре. Перед читателем предстает величественная история древнего Египта, на фоне которой очень скромно, пунктирно сообщается о фактах биографии предков Вечного Жида.

Затем повествуется об Иудее, об Иерусалиме, о царе Ироде Великом, о секте иордиан, о том, что Мессия по-еврейски значит „умощенный, помазанный елеем”, а Христос – греческий перевод этого имени” [5, с. 327]. Постепенно создается впечатление, что история Вечного Жида – это только повод познакомить читателя с историей древнего Египта, древней Иудеи, рассказать об истории возникновения христианства, о религии египтян. Очень подробно Агасфер рассказывает о жреце Херемоне, который знакомит его с религией египтян, с египетской молитвой, которая является истинной связью жреца с божеством.

Альфонс ван Ворден, размышляя над словами Вечного Жида, обнаруживает в них желание ослабить в слушателях твердые начала их религии и спрашивает герцога Веласкеса о его мнении. Ю. Клейнер по этому поводу пишет: „Duch wieku oświecenia dyktuje opowieść rzekomego Żyda Wiecznego Tułacza, która jest faktycznie – przede wszystkim historią religii, uwydatniając myśl, chętnie powtarzaną w wieku XVIII i XIX, że monoteizm powstał w Egipcie i dalej się rozwijał w innych religiach. Potocki wprowadza całe opowiadanie jako wyuczone celowo, by zachwiać wiarę Wordena, lecz wątpić nie można, że wprowadza je sam celowo, ażeby przez usta Velazqueza stwierdzić, że chrześcijaństwo utworzył się z tego, co najczystszy był w religiach pogańskich i w żydowskiej. Ale daleki jest od tego, by odrzucać wiarę. W myśl słynnego zdania Bacona stwierdza, że nauka nigdy nie prowadzi do niedowiarstwa (IV, s. 137) i wskazuje, że matematyk niczego zarzucić nie może dogmatowi Trójcy. Jasno i głęboko formułuje słosunek religii i nauki jako dwu asymptot (LV, s. 146–147)” [7, с. 88].

Дух эпохи Просвещения диктует историю Вечного Жида. Этот рассказ является прежде всего историей религии. Постоянно повторяется распространенная в XVIII и XIX вв. идея о том, что монотеизм возник в древнем Египте и позже получил развитие в других религиях. Ян Потоцкий целенаправленно вводит целый рассказ для того, чтобы поколебать веру ван Вордена и вместе с тем устами Веласкеса констатировать тот факт, что христианство было создано из того, что явилось самым жизнеспособным язычеством и иудаизмом. Но писатель далек от того, чтобы отбрасывать веру. Я. Потоцкий соглашается с мнением Бэкона о том, что наука никогда не ведет к неверию, а математику нечего возразить догмату Троицы. Потоцкий убедительно и глубоко формулирует отношения религии и науки как двух неограниченно приближающихся констант. Вечный Жид рассказывает о появлении в Иерусалиме учителя по имени Иошуа (Иисуса – по-гречески), повествует о его учении и учениках. Сам же Агасфер, в совершенстве овладевший денежными операциями и занимающийся обменом денег в храме, вместе с другими был изгнан оттуда Назаретским пророком. Здесь завершается история Вечного Жида, а каббалист Уседа сообщает слушателям: „Этот бездельник всякий раз, дойдя до того момента, когда он за оскорбление Пророка был приговорен к вечному скитанию, обычно исчезает, и никакие силы в мире не способны заставить его вернуться” [5, с. 448].

Тема поэта и поэзии, весьма важная для В.Ф. Одоевского, получила глубокое обоснование и развитие в цикле „Русские ночи”. Постепенно эта тема становится одной из ключевых – и именно потому, что в ней для Одоевского заключены не только вопросы, но и отчасти ответы, в ней есть элементы решения проблемы о путях человечества к истине и счастью. В „Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi” (1831) размышления Одоевского о судьбе и назначении художника касаются нравственной природы таланта. Пиранези – это человек с „разорванным сознанием”. Он одержим замыслами сооружений настолько грандиозных, что это делает их неосуществимыми. Безжизненность „прекрасных фантазий”, безжизненность самого дара Пиранези таит в себе, по мысли, Одоевского, разгадку природы „злого гения”. Чудовищные изобретения архитектора мстят своему создателю, „с ужасным хохотом” они давят его „своею громадою” и просят жизни.

Идеи Пиранези – соединить сводом Этно с Везувием, срыть Монблан, поскольку он отнимает вид у увеселительного замка, – безумны. Но это не творческое безумие художника. Оно холодно и мертво, от

него веет бесовской силой. Чудовищные изобретения Пиранези – темницы, „...бездонные пещеры, замки, цепи, поросшие травой стены – и, для украшения, – всевозможные казни и пытки, которые когда-либо изобретало преступное воображение человека” [4, с. 59], созданы „преступным воображением” озлобившейся души. В Пиранези Одоевским воплощены не только муки творчества, но и идея конца, гибели культуры, погребаящей под своими обломками человека и его недолговечные творения. Урок этой судьбы – наказание за безоглядный титанизм (Пиранези лишен чувства реальности), приведший гения к забвению человечества. Могучая личность потерпела здесь поучительное поражение. Творения Пиранези мстят своему создателю. „<...> Я не знаю покоя; духи, мною порожденные, преследуют меня, – восклицает он, – там огромный свод обхватывает меня в свои объятия, здесь башни гонятся за мною, шагая верстами <...> Иногда заключают они меня в мои собственные темницы <...> заставляют меня переносить все пытки, мною изобретенные <...> и, наконец, изможденного, ослабшего, снова выталкивают на землю” [4, с. 62].

М. А. Турьян отмечает, что „Одоевский откровенно проводит „падшего” героя сквозь круги ада. Бессмысленное, не направленное на благо расточительство таланта, отпущенного человеку природой, есть, по мысли писателя, тяжкий грех, с неизбежностью обращающий всякую деятельность в преступление. За это и „наказывает” Одоевский своего героя „космически”: он придает ему черты Вечного Жиды, осужденного Христом за безнравственный, немилосердный поступок на вечную муку” [6, с. 198]. „Слыхали ль вы о человеке, которого называют вечным жидом? – восклицает Пиранези. – Все, что рассказывают о нем, – ложь: этот злополучный перед вами <...>” [4, с. 62]. В. Одоевский отправляет своего героя в ад человеческой души, зло торжествует. Однако в финале новеллы писатель оставляет вопрос: то ли это в самом деле Вечный Жид, то ли несчастный безумец, окончательно утративший чувство реальности?

Авторский мир В.Ф. Одоевского включает в себя черты, которые роднят его с предромантизмом. Об этом свидетельствует сопоставление образа Агасфера в его творчестве и в „Рукописи, найденной в Сарагосе” польского писателя Яна Потоцкого. Писателей сближает установка на возможность рационального познания мира, вера в просветительские идеалы, интерес к разуму и прогрессу, позиция автора как знатока истины и т.д. В то же время В. Ф. Одоевского, в отличие

от Я. Потоцкого, больше интересует проблема интуиции, духовных возможностей, связи сознательного и бессознательного в творческом процессе. Поэтому в его произведении о Вечном Жиде показана судьба, характер, трагическая фигура художника, предавшего свой талант. У Я. Потоцкого евангельская легенда является лишь канвой, способом донести факты исторической жизни древнего Египта и Иудеи. Поэтому его Агасфер – это прежде всего посредник-медиатор между различными историческими эпохами, необходимый для мотивировки включения информации исторического характера. История Вечного Жиды интересует писателя в меньшей степени, перед ним стоят другие задачи.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Мусий В. Б. „Рукопись, найденная в Сарагосе” Яна Потоцкого как предромантическое произведение / В. Б. Мусий // Світова література на перехресті культур і цивілізацій: [Зб. наукових праць]. – Сімферополь : Кримський Архів, 2011. – Вип. 3. – С. 178–187.
3. Нямцу А. Е. Миф. Легенда. Литература / А. Е. Нямцу. – Черновцы : Рута, 2007. – 519 с.
4. Одоевский В. Ф. Русские ночи / В. Ф. Одоевский // Собр. соч.: в 2 т. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1981. – С. 31–246.
5. Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе / Я. Потоцкий. – М. : Художественная литература, 1971. – 640 с.
6. Турьян М. А. Странная моя судьба / М. А. Турьян. – М. : Книга, 1991. – 399 с.
7. Kleiner J. Sentymentalizm i Preromantyzm. Studia inedita z literatury porobiorowej 1795–1822 / J. Kleiner. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1975. – 237 s.

Т. Ю. Морєва

ОБРАЗ АГАСФЕРА В РОСІЙСЬКІЙ ТА ПОЛЬСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХІХ СТ.

В статті розглядається функціонування легендарно-фольклорного образу Агасфера в різних національних літературах. В. Ф. Одоєвського цікавить проблема інтуїції, духовних властивостей, взаємодії свідомого та несвідомого в творчому процесі. Тому Агасфера він витлумачує як трагічний образ

митця, що зрадив свій талант. Агасфер у Я. Потоцького – посередник-медіатор між різними історичними епохами, необхідний для мотивування включення інформації історичного характеру.

Ключові слова: Агасфер, просвітницькі ідеали, авторський мир, інтуїція, свідоме та несвідоме.

T. Yu. Moreva,

Candidate of Philology,

Associate Professor of World Literature Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel.: (048) 746- 56- 97

moreva.tamara@inbox. ru

THE CHARACTER OF AHASUERUS IN RUSSIAN AND POLISH LITERATURE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Summary

This article is dedicated to functioning of the legendary folkloric character of Ahasuerus in different national literatures. Interpreting the legend of the Wandering Jew in their works, some writers focus their attention on the issue of cognition and cognoscibility of the world, the notion of the world. Such vision makes the artistic search of V. F. Odoevsky and J. Potocki alike. It is quite remarkable that the belief in the ideals of the Enlightenment, advocacy of reason and progress are characteristic of both writers. Both the Russian and the Polish writers reveal the philosophic interaction among all the phenomena. The authorial world by V. F. Odoevsky comprises certain features making it affined to the Proto-Romanticism. This affinity may be tracked via a comparison of the character of Ahasuerus in his works and in *The Manuscript found in Saragossa* by Jan Potocki. At the same time, unlike J. Potocki, V. F. Odoevsky brings into focus the problem of intuition, spiritual properties, and interaction of the conscious and the unconscious in the process of creation. Thus, his work is dedicated to the Wandering Jew's destiny, character, and the artist's tragic personality. J. Potocki avails himself of the evangelical legend as mere means for getting across the historical facts about life, customs and mentality of peoples who lived in Ancient Egypt and Judaea. Therefore, in his interpretation Ahasuerus is a tragic character of an artist who betrayed his talent. J. Potocki sees Ahasuerus as being a mediator between different historical epochs, whose presence is necessary for motivating the historical information inclusion in the text.

Key words: Ahasuerus, ideals of the Enlightenment, authorial world, intuition, the conscious and the unconscious.